

По-видимому в силу объективных причин – сужение возможностей получения научной литературы из России – в рецензируемой монографии неполно представлены работы российских ученых последнего десятилетия. Тем не менее она убедительно свидетельствует о плодотворных поисках китайских лингвистов, занимающихся актуальными проблемами современного русского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арутюнова Н.Д. 1976 – Предложение и его смысл. М., 1976.

Белошапкова В.А. (Ред.) 1997 – Современный русский язык. М., 1997.
Бондарко А.В. 1978 – Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.
Бондарко А.В. 1984 – Функциональная грамматика. Л., 1984.
Бюлер К. 1993 – Теория языка. Репрезентативная функция языка. М., 1993.
Ревзин И.И. 1978 – Структура языка как моделирующей системы. М., 1978.

В.Г. Буров, Б.Ю. Городецкий,
А.Л. Семенов

Patrick Sériot. Structure et totalité. Les origines intellectuelles du structuralisme en Europe centrale et orientale. Paris, Presses Universitaires de France, 1999. 353 p.

Новая книга известного французского историка лингвистики Патрика Серио (сейчас работает в Лозаннском университете в Швейцарии) посвящена теоретическим и методологическим основам лингвистических концепций двух крупнейших ученых XX века – Николая Трубецкого и Романа Якобсона (в отношении последнего речь в основном идет о 20–30-х гг., когда Р. Якобсон жил в Чехословакии и находился в тесном научном контакте с Н. Трубецким).

Данная проблематика безусловно очень важна для истории науки и в то же время до сих пор мало изучена, несмотря на широкую известность имен обоих ученых. О лингвистической деятельности Н. Трубецкого написано много. Его историософские, евразийские труды до недавнего времени по различным причинам почти не были известны ни у нас, ни на Западе; но за последнее десятилетие они изданы и в России, и в переводах на английский и французский языки (французское издание [Troubetzkoy 1996] целиком подготовлено П. Серио) и вызывают, особенно у нас, все больший интерес. Однако две части наследия ученого очень редко связываются между собой. Вопрос о том, как евразийская концепция влияла на Н. Трубецкого-лингвиста, изучен недостаточно (впрочем, П. Серио указывает здесь в качестве своего предше-

ственника на Б. Гаспарова [Gasparov 1987]). Еще меньше обращается внимание на евразийские истоки идей Р. Якобсона, который не выступал как теоретик евразийства, но в чехословацкий период своей деятельности испытал влияние этого учения. Помимо этого П. Серио обращает особое внимание на также нашедшие отражение в лингвистике идеи Петра Савицкого, одного из двух, наряду с Н. Трубецким, главных теоретиков евразийства.

Книга "Структура и целостность" состоит из четырех частей. Изучены разные компоненты евразийской концепции, которые затем сопоставляются с лингвистическими идеями Н. Трубецкого и Р. Якобсона. Автор наряду с опубликованными трудами евразийцев использует известное издание переписки Н. Трубецкого с Р. Якобсоном. [Troubetzkoy 1975], а также воспоминания современников.

Один из важных вопросов, затрагиваемых в книге, – генезис идей евразийства. П. Серио вполне справедливо отмечает внешне парадоксальный факт: при антизападной направленности этой доктрины основные источники ее идей находились на Западе (с. 308). В целом евразийство больше было связано, однако, не с современными ему западными идейными течениями, а с философией и наукой первой трети XIX в. Безусловно важны идеи немецкой класси-

ческой философии, особенно натурфилософии Ф. Шеллинга. Как подчеркивает П. Серิโอ, если во Франции традиции немецкой идеалистической философии потеряли популярность после появления позитивизма, то в России они всегда оставались значимыми вплоть до времен, когда формировалось евразийство (с. 264). Отмечается и использование идей географического детерминизма, выдвинутых видным немецким ученым первой половины XIX в. К. Риттером, и даже интерес Р. Якобсона к идеям французского консервативного мыслителя Ж. де Местра. В целом, по мнению П. Серิโอ, в новых исторических условиях евразийцы, выступая против рационализма Запада, опирались на западные же по происхождению (хотя развивавшиеся и на русской почве, например у П.Я. Чаадаева) романтические и антипросветительские концепции (с. 308–309).

В то же время указывается и на обращение Н. Трубецкого и Р. Якобсона к идеям современных им ученых разных специальностей, в которых они могли находить что-то близкое себе. Целая глава книги (с. 193–211) посвящена использованию ими биологических идей ученых-антидарвинистов. Прежде всего речь идет о концепции номогенеза известного советского ученого Л.С. Берга [Берг 1922]. Согласно его положениям, живым существам изначально присуща целесообразность реакций на внешние воздействия, а развитие биологических видов обусловлено не столько расхождением признаков (дивергенцией), сколько их вторичным схождением (конвергенцией); концепция номогенеза активно обсуждалась в нашей стране в 20-е гг., но не была принята большинством биологов. Об этой концепции Р. Якобсон действительно сочувственно высказывался в публикациях тех лет [Якобсон 1985: 93]. По мнению П. Серิโอ, идеи номогенеза нашли отражение как в признании Н. Трубецким и Р. Якобсоном телеологического принципа развития языков, так и в их представлениях о конвергенциях и дивергенциях в языковой истории. Упоминаются и другие ученые-естественники, в частности русские и советские (В.В. Докучаев, В.В. Алехин), на чьи исследования опирались евразийцы.

Разбирая идеи евразийцев, П. Серิโอ прослеживает их влияние на те или иные подходы их к языку. Любопытно, что из данных книги следует, что в большей степени такое влияние очевидно в отношении Р. Якобсона, нежели Н. Трубецкого. Например, основателем учения о языковых союзах единодушно признается Н. Трубецкой, одна-

ко эта идея у него упоминается лишь вскользь, тогда как Р. Якобсон занимался ею весьма активно.

Безусловно, самый очевидный пример такого влияния – концепция языковых союзов, выдвинутая как одно из обоснований априорной по своему происхождению идеи евразийской культурно-исторической общности. П. Серิโอ подробно разбирает как немногочисленные высказывания Н. Трубецкого на этот счет, так и более развернутые построения Р. Якобсона, связывавшего евразийский союз с наличием в языках противопоставления твердых и мягких согласных и отсутствием политонического ударения (с. 79–110). В другом месте книги (с. 233–243) показано, как эти построения были связаны с географическими представлениями евразийцев, с их представлениями о географических зонах, о центре и периферии того или иного ареала, об осях симметрии.

Другой достаточно несомненный пример – выдвижение Н. Трубецким и Р. Якобсоном принципа телеологичности, целенаправленности как главного свойства языка. Этот принцип выдвигался ими и в синхронии (ведущее для пражцев в целом понятие функции), и в диахронии (целенаправленность изменений) [Якобсон 1985: 130]. П. Серิโอ в основном рассматривает его диахроническую сторону, тесно связанную с евразийскими идеями о саморазвитии культуры. Подчеркивается и связь с упомянутой выше концепцией номогенеза и другими антидарвинистскими концепциями. По мнению П. Серิโอ, хотя Р. Якобсон неоднократно подчеркивал социальный характер языка и критиковал дарвинистский биологизм А. Шлейхера, он не в меньшей степени, чем А. Шлейхер, уподоблял в работах 20–30-х гг. язык организму и опирался на биологические концепции, но не дарвинистские, а антидарвинистские. С таким подходом автор рецензируемой книги связывает и идеи известной статьи Н. Трубецкого "Мысли об индоевропейской проблеме", где шлейхеровской модели "родословного древа", признающей лишь дивергенции, противопоставляется во многом противоположная модель, основанная на конвергенциях, вторичных схождениях языков; эта модель хорошо согласуется с евразийскими идеями о культурных ареалах, в которые входят народы, не восходящие к общему предку, но приобретшие общие свойства.

В книге П. Серิโอ много говорится и о попытках евразийцев прямо сопоставить данные, относящиеся к разным предметным областям, выявляя схождения и параллели

без выдвижения гипотез о каких-либо причинно-следственных связях; например, для русского языка Р. Якобсон под влиянием П. Савицкого указывал на совпадение изотерм с изоглоссами (с. 221–222). В этом проявлялось как стремление евразийцев рассматривать культурные ареалы в их целостности, так и их попытки создания единой синтетической науки; последнему вопросу посвящена вся четвертая часть книги (с. 255–305).

Влияние евразийских историософских и культурологических идей П. Серио находит и в ряде других концепций, свойственных двум исследуемым ученым, а во многом и Пражской школе в целом, например концепции центра и периферии в языке (с. 243–249). Наконец, это влияние усматривается и в общем понимании того, что такое язык. Здесь, по мнению П. Серио, взгляды двух выдающихся уроженцев России во многом были противоположны идеям Ф. де Соссюра.

П. Серио считает, что Ф. де Соссюр, а вслед за ним большинство западных структуралистов исходили из следующей посылки: "Точка зрения создает объект (лингвистики. — В.А.). Объект, о котором идет речь, не существует заранее как таковой, он конструируется теорией" (с. 298–299). В то же время для Н. Трубецкого и Р. Якобсона язык "имеет онтологическое существование" (с. 300), т.е. существует независимо от исследователя. Если для Ф. де Соссюра язык — структура, то для этих двух ученых (хотя они и пользовались термином "структура") язык — прежде всего "целостность" (*totalité*), так же как целостна Евразия.

Такое противопоставление во многом верно, хотя, на наш взгляд, позиция Ф. де Соссюра здесь не столь последовательна, как это получается у П. Серио. В период чтения швейцарским ученым своих лекций она находилась еще в стадии становления и так и не получила законченного вида (из-за чего Ф. де Соссюр не хотел ее публиковать). Его высказывания о том, что язык — "система чистых значимостей" и что "в языке нет ничего, кроме различий", безусловно, шаг в сторону представления о языке как чистом конструкте, позже последовательно высказанного Л. Ельмслевом и др. Но в других местах "Курса", особенно в его начале, говорится и о существовании языка до исследователя и независимо от исследователя: "Языковые знаки... — не абстракции; ассоциации, скрепленные коллективным согласием и в своей совокупности составляющие язык, суть реальности, локализующиеся в мозгу" [Соссюр 1977: 53]. Такие

идеи нашли в какой-то степени продолжение у пражцев, хотя они отказались от психологизма.

Но в связи с отмеченными у П. Серио различиями между исходными позициями теории Н. Трубецкого и Р. Якобсона и других европейских структуралистов возникает еще один, более важный вопрос: почему взгляды этих ученых были восприняты на Западе как структуралистские, а многие их идеи и методы восприняли лингвисты, ничего не знавшие о евразийстве и воспитанные совершенно в иных традициях? Приведенные в книге данные о евразийском "подтексте" идей языкового союза, конвергенции или центра и периферии сами по себе вполне убедительны, однако насколько эта связь, важная для самих евразийцев, объективно была необходимой?

Здесь нельзя не отметить, например, что ряд идей, близких к идеям Н. Трубецкого и раннего Р. Якобсона, в том числе о языковых союзах, в те же годы и даже несколько раньше высказывал Е.Д. Поливанов. Об этом уже писали [Иванов 1985: 16–17]; говорит об этом и П. Серио, хотя имя Е.Д. Поливанова упомянуто в книге лишь вскользь. Однако Е.Д. Поливанова никак нельзя причислить к евразийцам, внелингвистические истоки его идей совсем другие.

В связи с этим нам все же представляется, что евразийские истоки ряда лингвистических идей Н. Трубецкого и Р. Якобсона нельзя игнорировать, но не стоит и переоценивать. В их лингвистической деятельности они играли, на наш взгляд, примерно ту же роль, что марксизм в деятельности Е.Д. Поливанова и других советских лингвистов той эпохи [Алпатов 1999]. Они стимулировали выбор той или иной точки зрения, тех или иных решений, нередко самого объекта рассмотрения, но из этого не следует, что существовала какая-то особая евразийская (как и марксистская) лингвистика, принципиально отличная от иной лингвистики. Взгляды всех этих ученых имели свои особенности, генезис которых может быть связан с их философскими, политическими и др. взглядами, но поиски ученых шли в общем русле развития мировой науки о языке первой половины XX в. (а Р. Якобсон продолжал их до 80-х гг.); так или иначе, прямо или косвенно они развивали подход, ведущий начало от Н.В. Крушевского, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Ф. де Соссюра.

В заключение остановимся на главе книги (с. 139–167), несколько отходящей в сторону от ее основной проблематики, но

весьма интересной. В ней идеи Н. Трубецкого и Р. Якобсона сопоставляются с "новым учением о языке" Н.Я. Марра. П. Серио, разумеется, не разделяя положения этого учения, старается подойти к нему объективно, без эмоций, в отличие от большинства историков марризма. Отметим в связи с этим, что мы не можем согласиться с оценкой нашей книги на эту тему [Алпатов 1991], в которой П. Серио видит лишь взгляд на Н.Я. Марра как на "психопата-мегаломана" (с. 141) без попыток рассмотреть его идеи в историческом контексте. Однако во многом в нашей книге говорится то же самое, что и у П. Серио: учение Н.Я. Марра было попыткой преодолеть кризис сравнительно-исторического языкознания, наметившийся к началу XX в.; оно соответствовало духу времени и потому ни его появление, ни его популярность не были случайными.

П. Серио отмечает некоторые черты сходства между марризмом и "евразизмом" в лингвистике. Оба направления возникли в результате поисков выхода из кризиса в лингвистике, которая до начала XX в. основывалась на концепции "родословного древа". И Н.Я. Марр, и лингвисты-евразийцы отказались от этой концепции и предложили во многом противоположную, хотя и с разной степенью радикальности: Н.Я. Марр вразрез с очевидными фактами вообще отвергал дивергенцию языков, а Н. Трубецкой допускал конвергенцию и дивергенцию. Есть и кое-что другое. В соответствии с духом времени оба крайне резко относились к современной им западной науке и призывали создать качественно новую науку: Н.Я. Марр – "пролетарскую", Н. Трубецкой – "русскую" (в отличие от Марра Трубецкой никогда не писал об этом в лингвистических работах). Добавим и сходство, прямо не упомянутое у П. Серио: его тезис о том, что у евразийцев многое воспринято от западных мыслителей первой трети XIX в., вполне подходит и к Н.Я. Марру. Кстати, стадийные идеи последнего вовсе не обязательно возводить к дарвинизму: у Н.Я. Марра они скорее взяты не у дарвиниста А. Шлейхера, а у В. фон Гумбольдта и других основателей типологии. П. Серио отмечает и различия двух подходов: учение Н.Я. Марра – эволюционистское, основанное на стадийности, чего нет у Н. Трубецкого, концепцию которого П. Серио называет "диффузионизмом".

Не отрицая правомерности сопоставления двух этих концепций, современных друг другу и связанных с общим духом времени, мы не можем не упомянуть две особенности стиля работы Н.Я. Марра, отличающие его от Н. Трубецкого. Это недостаточный профессионализм, в том числе слабое владение компаративной методикой (при замечательной интуиции), и нежелание считаться с фактами, подгонка их под схемы. Впрочем, последнюю черту можно найти и в евразийских публикациях Н. Трубецкого, однако она не свойственна его трудам по лингвистике. Именно это (наряду с известными экстраординарными причинами) обусловило в итоге разное место двух этих талантливых людей в истории лингвистики.

В целом книга П. Серио "Структура и целостность" при дискуссионности ряда положений заполняет явный пробел в истории науки о языке XX века и обогащает наши знания о Н. Трубецком и Р. Якобсоне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алпатов В.М. 1991 – История одного мифа. М., 1991.
- Алпатов В.М. 1999 – Что такое марксизм в языкознании? // Общее и восточное языкознание. Сборник научных трудов, посвященный 70-летию члена-корреспондента РАН В.М. Солнцева. М., 1999.
- Берг Л.С. 1992 – Номогенез. Пг., 1922.
- Иванов В.В. 1985 – Лингвистический путь Романа Якобсона // Р. Якобсон. Избранные работы. М., 1985.
- Соссюр Ф. де 1977 – Труды по языкознанию. М., 1977.
- Якобсон Р. 1985 – Избранные работы. М., 1985.
- Gasparov V. 1987 – The ideological principles of Prague School phonology // Language, poetry and poetics: The generation of the 1890s: Jakobson, Trubetskoy, Majakovskij: Proceedings of the First Jakobson Coll. Berlin; New York, 1987.
- Troubetzkoy N. 1975 – Letters and notes. Berlin; New York; Amsterdam, 1975.
- Troubetzkoy N. 1996 – L'Europe et l'humanité/ Trad., notes et présentation par P. Sériot. Liège, 1996.

В.М. Алпатов